

Тема для размышления

Подмена понятий: о дискуссии вокруг «Письма 10 академиков»

Б. В. Орехов

НИУ «Высшая школа экономики»

О чём речь?

В 2007 году 10 академиков тогда ещё не разгромленной Российской академии наук подписали обращение к президенту России В. В. Путину, в котором протестовали против клерикализации образования и науки, в частности, против введения в школах предмета «Основы православной культуры» и появления теологии среди научных специальностей, утверждаемых Высшей аттестационной комиссией. Первая публикация письма академиков состоялась в приложении к «Новой газете» «Кентавр» 22.07.2007.

Вскоре после этого талантливый сетевой публицист Рустем Вахитов написал полемический ответ на это письмо¹. Ответ почти целиком состоит из натяжек, подмены понятий, саркастических уколов, издёвок и мелких нападок на уважаемых учёных. Казалось бы, это давнишний информационный повод и возвращаться к нему сейчас не имело особенного смысла. Но это не так. Во-первых, нельзя оставлять без ответа подобные выпады, ангажированные и несправедливые, а, во-вторых, усиливающееся именно сейчас наступление церкви на все общественные институты (а порой и на сам здравый смысл) вынуждает защищаться от «ответов» подобных тому, который написал Вахитов, потому что они стремятся оправдать недопустимые посягательства церкви.

Я не стану опускаться до предложенного Р. Р. Вахитовым уровня и не буду подобно ему саркастически поддевать автора «ответа», переходя на личности и указывая на ограниченность и некомпетентность (да-да, именно ограниченность и некомпетентность стали основным упреком Нобелевским лауреатам и академикам РАН). По-моему, это было бы просто мелочно. Так что мой текст, возможно, выйдет более скучным, чем у Р. Р. Вахитова. Но моя задача и более простая: разоблачить некорректную аргументацию, лукавство и (не во всём «ответе», но кое-где, к сожалению) просвечивающую откровенную пропагандистскую неправду.

¹<http://nevmenandr.net/vaxitov/10academic.php>

Знают ли академики что-то о науке?

С такой неправды как раз и начинается текст Вахитова. Публицист посвящает несколько первых абзацев желчному высмеиванию самого факта появления обсуждаемого письма: «они <академики — Б. О.> вдруг сразу же оставили в стороне и свои сомнения, и свою оппозиционность»; «я, конечно, понимаю, что правила христианской морали не для атеистов»; «прислушается господин Путин к гласу академиков, подумает про себя: “они там в академиях умные, им виднее”»; «уж кому-кому, а академику Гинзбургу <...> помолчать бы» и далее в таком же язвительном духе. Авторам письма ставится в вину то, что они прибегли к открытому письму первому лицу страны в то время как «РПЦ ведь не обращается к президенту со схожими просьбами». То есть церковь якобы не пишет писем Путину. Это прямой обман. Как же не пишет? В 2000-м году юбилейный Архиерейский собор РПЦ направляет письмо президенту РФ В. В. Путину, в котором отмечает, что процесс возвращения церковной собственности в России «не только не завершён, но по-настоящему и не начат». А уже после заочного диалога Вахитова с учёными патриарх Кирилл в 2012 году направил Путину письмо, в котором описал своё видение тех же болезненных для церкви имущественных вопросов². Так что упреки Вахитова в том, что академики не соблюдают ни христианской, ни светской морали, подписывая письмо президенту, очевидно, должны быть обращены и к церковникам. Но в «ответе» всё представлено иначе: «При всем моем уважении к научным заслугам сих почтенных мужей, очень уж это напоминает некрасовское: “барин нас рассудит”». Тут надо бы сказать, что как раз попы — это вполне себе некрасовские персонажи. А вот академики РАН в произведениях поэта не упомянуты.

В то же время, действительно, современные учёные пишут открытые письма президенту чаще, чем церковь, но это не так удивительно: Патриарх ездит под охраной ФСО и в любой момент имеет возможность связаться с Путиным напрямую. К сожалению, учёные не удостоились такой благосклонности со стороны первого лица, и им приходится использовать другие инструменты, надо сказать, вполне привычные для современного общества. Почему такие инструменты объявляются Вахитовым неприличными, не вполне ясно.

Второй причиной для издёвки называется то, что столь разные по политическим убеждениям учёные как Гинзбург и Алфёров объединяются и «совместно (!)» подписывают обсуждаемое письмо. Это, пожалуй, самая загадочная часть «ответа» Вахитова. Если отбросить малоправдоподобную идею, что автор защищает идеологию королевства кривых зеркал, то не стоит ли, напротив, похвалить учёных за то, что они умеют ставить интересы науки выше личных убеждений? Не является ли способность объединиться перед общей опасностью благом (воспетым, например, в великом «Слове

²http://www.newsru.com/religy/11sep2012/lord_landlord.html

о полку Игореве»), а не мишенью для саркастических выпадов? В общем, эта часть «ответа» вызывает самое большое недоумение.

Далее Р. Р. Вахитов пытается указать на то, что подписавшие письмо академики хотя и являются учёными, но при этом вовсе не специализируются на существовании вопроса: «определение сущности науки — это не вопросы физики, и даже не вопросы естествознания! Это вопросы философии, точнее такой ее отрасли как философия науки — дисциплины, изучающей науку, ее формы, ее развитие, ее социальные институты! <...> Много ли у перечисленных академиков <Гинзбург, Александров, Алферов — Б. О.> научных работ по философии науки <...>?» У перечисленных академиков таких работ, конечно, немного. Но они есть. Так, академик Александров опубликовал в своё время статью «Теневая наука» («Наука и жизнь» № 1, 1991 г., стр. 56–60), представил Совету безопасности РФ доклад на тему «Феномен лженауки в современном обществе и меры по противодействию лженаучным проявлениям», словом, вопросом научности учёный занимался серьёзно. Кроме того, умолчал Р. Р. Вахитов и об ещё одном «подписанте», академике Э. П. Круглякове, который с 1998 года возглавлял Комиссию РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, то есть был, по сути дела, главным в стране экспертом по вопросу о том, что является наукой, а что только маскируется под неё. Умалчивание об этих фактах со стороны автора «ответа» призвано дезинформировать читателя, создать у него превратное впечатление, будто бы учёные, подписавшие письмо, на самом деле не имеют представления о том, о чём говорят, и не интересуются никакими вопросами за пределами своих лабораторий.

Но даже если бы претензии Вахитова имели почву и академики РАН решительно ничего не смыслили в философии науки, всё равно у них было бы право голоса, так как они бесспорные эксперты в образовании и подготовке кадров. Всем, имевшим отношение к научной деятельности, в том числе и Р. Р. Вахитову, прекрасно известно, что звание академика — это не просто признание научных заслуг, это знак успешности в сфере научного менеджмента, ведь у каждого человека такого статуса есть своя научная школа, ученики. Отнюдь не все академики занимаются отвлечёнными рассуждениями о том, что есть наука, но каждый из них эту самую науку создаёт. Они практики, и, стало быть, их мнение в этом вопросе ничуть не менее (а то и более) ценно, чем у теоретиков. Описываемых Р. Р. Вахитовым специалистов по философии науки можно сравнить с экспертами в самолётостроении, а академиков — с лётчиками-испытателями, которые, возможно, не знают всех тонкостей устройства самолёта в теории, но зато глубоко познали их на практике, много летали и, вообще говоря, имеют гораздо больше права рассуждать на эту тему, чем оставляет им Р. Р. Вахитов. И если эти эксперты утверждают, что введение теологии в перечень научных специальностей нанесёт науке вред, к этому мнению стоит прислушаться.

Оправдает ли теологию гуманитарная наука?

Далее, выдерживая избранную стилистическую линию издѣвки (утверждается, что «в заявление академиков сквозит <...> апломб дилетанта», «сии почтенные ученые мужи не открывали в жизни ни одного теологического трактата», следуют обороты вроде «если бы они удосужились хоть заглянуть...» и т. д.) автор «ответа», очевидно, в погоне за эффектным парадоксом вдруг объявляет теологию наукой, основанной на опыте, так как она представляет собой комментирование священных книг и «любое утверждение теолога можно проверить, обратившись к тексту той или иной книги Ветхого или Нового Завета (также как можно проверить утверждения литературоведа, обращением к тексту литературного произведения)».

Однако аналогия эта вовсе не превращает теологию в опытную дисциплину, а слова про проверяемость утверждений и вовсе ошибочны. Во-первых, современное литературоведение, в общем-то, не комментирует произведения. Комментарий — это специализация даже не собственно науки, а прикладной гуманитарной субдисциплины текстологии, которая готовит тексты к изданию. Во-вторых, утверждения литературоведа — это интерпретации и проверить их никак нельзя. Ну как проверишь, скажем, что в Мухе Цокотухе следует видеть Россию, пострадавшую от паука-еврея и спасѣнную патриотическими силами в образе Комара? Неспособен текст сказки Чуковского ни подтвердить эту интерпретацию, ни опровергнуть её, сколько к тексту ни обращайся.

Попутно Вахитов указывает на заслуги теологов перед современной наукой, приводя примеры: «теологами в средние века и был введен в науку аппарат цитирования», «именно теологами в средние века был внесен значительный вклад в формирование классической формальной логики», «понятия бесконечно малой и бесконечно большой величины, без которых невозможно было бы дифференцирование интегрирование, ввел теолог Николай Кузанский» и т. д. Хочется спросить: ну и что? Какое это может иметь отношение к сегодняшней науке? Речь-то о включении теологии в число признанных ВАКом научных дисциплин. В той же алхимии первоначально были разработаны некоторые принципы химических опытов, а переросшее в современную астрономию наблюдение за звездным небом появилось благодаря астрологии. Но не будем же мы на этом историческом основании включать алхимию и астрологию в состав современных наук о мире!

Реконструируя образ мыслей учёных, доверяющих эксперименту и рациональности, Вахитов вступает за теологию, говоря: «существование Бога и природа Библии — это вопросы, которые при помощи логики и эксперимента окончательно не разрешить (если, конечно, оставить в стороне придурковато-наивные заявления вроде: “Тагарин в космосе был, а Бога не видел”»». Неизвестно, что подразумевается под вопросом о природе Библии. Вроде бы в отличие от Корана, который в исламе считается богоданным, церковники не оспаривают взгляд на Библию как на богодухновенный текст, то есть имеющий земную природу, хотя и вдохновлѣнный божеством. Таким образом, можно без особенных споров сойтись на том, что это со-

брание разнородных произведений фольклорного происхождения, кстати, именно логически внутренне противоречивых, так что как раз логика здесь даёт хорошие ответы касательно сложной, но, без сомнения, человеческой сущности этих книг.

А вот говоря про вопрос существования бога, который якобы нельзя решить экспериментальными методами, Вахитов забывает, что никакого вопроса тут как раз нет. По крайней мере, научного вопроса. Чтобы поставить такой вопрос, нужно было бы иметь хоть сколько-нибудь надёжные свидетельства наличия бога. Пока их нет, нет и проблемы, так что тень Ю. А. Гагарина даже тревожить не нужно, все трезво мыслящие люди вполне удовлетворились бы и наблюдением следов божественного на Земле. Но их нет. И единственным основанием для постановки такого вопроса остаются те самые книги Ветхого и Нового Заветов. Хотя если пытаться проверять существование всякого, про кого написано в книгах, я бы всё-таки начал с Гэндальфа или Дамблдора.

Далее Р. Р. Вахитова «умиляет убеждение академиков-подписантов в том, что наука не может содержать элемента веры» и он приводит весьма убедительные примеры того, что эти самые элементы веры проникают даже в признанно рациональные научные сферы вроде физики. Но и здесь автор «ответа» передёргивает, отождествляя элементы веры (правильнее назвать их допущениями) и веру в бога. Чтобы понять, в чём тут подвох, достаточно сравнить силу утверждений

- (3) Допустим, что во всех точках вселенной действуют одни и те же законы.
- (4) Допустим, что наш мир создан и управляется невидимым всемогущим разумным персонифицированным существом.

Даже тем, кому покажется, что эти утверждения равнозначны, легко увидеть, что хотя человечество не продвинулось и ещё долго не продвинется далеко в освоении пространства, всё же понятно, что хотя бы на этом небольшом его участке законы физики не нарушаются. Прежде всего те, о которых говорит Вахитов: например, позволяющие проводить спектральный анализ небесных тел, таких, как Марс и Венера, до которых несколько десятилетий назад добрались автоматические исследовательские станции, подтвердившие первоначальные выводы на основе данных спектрометров. Это хотя и слабая, но всё-таки поддержка того, что говорится в (3). Что до утверждения (4), то оно по-прежнему остаётся подвешенной в воздухе фантазией.

Надо сказать, критикуемое Вахитовым утверждение 10 академиков, что «все достижения современной мировой науки базируются на материалистическом видении мира», безусловно, уязвимо. И автор «ответа» безжалостно этой уязвимостью пользуется, приводя контрпримеры из области гуманитарной науки. Сочувствующий читатель (которым Р. Р. Вахитов, как мы предвидим, быть не намерен) должен был бы понять, что учёные, по всей

видимости, имеют в виду такие достижения науки, которые имеют практическую ценность. Философия тут явным образом ни при чём.

Но если присмотреться к приводимым Вахитовым примерам, то и с ними не всё гладко: «великий русский лингвист Н. С. Трубецкой, литературовед М. Бахтин, антиковед А. Ф. Лосев и другие представители нефилософских дисциплин внесли выдающийся вклад в современную науку вовсе не на основе материалистического мировоззрения, поскольку они были христианами».

Может быть, и существует хитрый способ прочесть, например, главное достижение Н. С. Трубецкого книгу «Основы фонологии» как теологический трактат, но способ этот, мягко говоря, не основной. Я бы сказал, крайне экстравагантный.

Кстати, тот же Бахтин по его собственному признанию философ, а вовсе не литературовед. И в наиболее цитируемых его книгах о Достоевском и Рабле религиозные основания если и есть, то глубоко запряваны, и уж во всяком случае не являются более существенной питательной почвой для его идей, чем прочие интеллектуальные веяния среды, в которой они формировались.

Что касается концепции мифа у А. Ф. Лосева, то берусь утверждать к её оформлению привела прежде всего всеохватная (всеохватная! гораздо шире привычных христианских рамок) образованность учёного и способность оригинально мыслить.

Так при чём же тут христианское мировоззрение?

Наступление через подмену

Далее Вахитов переходит в наступление, объявляет атеистический взгляд на вещи вульгарным и устаревшим, штампами, которые давно следует пересмотреть. Основания этого утверждения более чем странные: дело в том (говорит автор «ответа»), что сейчас происходит отказ от всех исторически связанных с атеизмом идеологических ценностей: «при всей либеральной риторике даже Запад на деле, а не словах становится авторитарнее и консервативнее». Что это? Опять натяжка: автор — сознательно или нет — путает историю и современность (говоря научным языком, синхронию и диахронию), как и в том случае с химией и алхимией. Да, исторически распространение атеизма может быть связано с либерализмом, Просвещением, Ламетри и Гольбахом, антифеодальной революцией. . . Мало ли с чем! Но это вовсе не значит, что в современном обществе атеизм обязан быть скреплён с ними нерушимой связью и пойти на дно вместе с ними, если те утонут. Атеизм как идея того, что никакого бога нет, в нашем мире вполне самодостаточен. А руководствуясь логикой Р. Р. Вахитова следовало бы сказать: «Представление о том, что ракета выводит на околоземную орбиту космические аппараты, является вульгарным и устаревшим, потому что достоверно известно, что первые ступени ракеты падают на землю и сгорают в плотных слоях атмосферы». При этом я не отрицаю, что историческая связь между

явлениями существует, и порой оказывает большое влияние на структуру объекта. Но всё же она не столь нерушима и всеобъемлюща, как это пытается представить Р. Р. Вахитов.

Кроме того, Р. Р. Вахитов игнорирует и современную философскую атеистическую традицию, как будто её и нет. А она есть. См. например, «Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма» Томаса Альтицера.

Разумеется, не упускает автор «ответа» и возможности прибегнуть к классическому примеру: «Коперник, Кеплер, Галилей, Ньютон были глубоко верующими людьми». Здесь уже Вахитов действует наоборот: старается забыть об истории и неизбежном историческом контексте. В эпоху тотального идеологического давления даже интеллектуально сильной личности приходится приспосабливаться к обстоятельствам. У всех этих учёных, живших в Средневековье и раннее Новое время просто не было выбора. Не хотелось бы подтверждать закон Годвина, но вот ещё один Нобелевский лауреат писатель Гюнтер Грасс даже в СС служил. Однако, кажется, из этого не стоит делать далекоидущих выводов относительно гуманитарной миссии этой нацистской организации?

Продолжая наступление Р. Р. Вахитов призывает теологов в университеты. «Если на философском факультете курс “Философии средних веков” будет читать профессиональный теолог, а не бывший вульгарный марксист, переквалифицировавшийся в не менее вульгарного либерала, то от этого выиграют только студенты». Приходится признать, что это правда. Теолог, безусловно, лучше разбирается в средневековой философии (которая, как известно, и была в то время «служанкой богословия»), чем современный философ. Но вот пускать теолога за кафедру светского университета ни в коем случае нельзя: слишком велик будет соблазн для такого теолога удариться в миссионерство и не просто делиться знаниями, а проповедовать, внушать студентам ложную и вредную идею существования бога, что уже отнюдь не безопасно.

«Не помешало бы изучение теологии и филологам, — продолжает Вахитов. — Как может понять Достоевского человек, не открывавший в жизни Библию?» Понимание Достоевского (и вообще что такое «понять Достоевского»?) — это сложный для обсуждения предмет, хотя, пожалуй, скольконибудь удовлетворительный уровень понимания автора Великого пятикнижия без чтения Библии и правда недостижим. Но теология тут опять-таки ни при чём. Знание библейских сюжетов и их проекции на мировую культуру вовсе не предполагает теологической подготовки, а знание всех аспектов средневековых споров о сущности триединства бога даже не третьестепенный по значимости вопрос для понимания поэтики Достоевского.

В целом действительно (в этом Вахитов прав) для гуманитариев знание некоторых связанных с христианством (а также исламом, буддизмом и другими религиями) исторических вопросов существенно. Но автор «ответа» снова смешивает понятия, выдавая за теологию историю религии, важный для гуманитарных специальностей курс, который давно существует в университетах и запрещать его, кажется, пока никто не собирается.

Не для школы, но для жизни...

Переходя к обсуждению школьного предмета основы православной культуры Вахитов предоставляет нам ещё один образец вывернутой наизнанку логики: «Но разве уже сейчас, насаждая по сути дела самый грубый воинствующий атеизм, наша школа не раскалывает общество?» Это очень и очень странный вопрос. Атеисты раскалывают общество? Разумеется, всё наоборот, это религиозное воспитание раскалывает общество, настраивает людей против тех, чьи убеждения отличны от их собственных. Именно в самой религии заложен механизм разобщения людей, который срабатывал в человеческой истории бесчисленное количество раз, приводя к столь же бесчисленным человеческим жертвам. Что до основ православной культуры, то верующие родители вполне способны совместно с церковниками обеспечить обучение этим основам самостоятельно, при церквях, не привлекая к этому государственную систему образования.

Наконец, Вахитов напоминает, что «религия несет в себе тысячелетние культурные ценности» (что, по его мнению, не приходит в голову «подписантам»). Во-первых, это очень спорное утверждение. Религия основывается на некоторых бытовом образом обусловленных традициях бронзового века, мало в чём приложимых к современному обществу и стилю жизни. Так называемые священные книги полны крови, убийств, насилия, агрессии, аморальных с современной точки зрения, но оправдываемых этикой бронзового века поступков. Так что культурно ценного там не больше, чем такого, от чего хотелось бы побыстрее избавиться. А, во-вторых, это не более, чем всё остальное, может служить основанием для признания теологии наукой, равной физике, биологии или химии.

Печальный итог

Словом, в «ответе» нет, по сути дела, ни одного аргумента, к которому можно отнестись с сочувствием, как нет и такого запрещённого полемического приёма, которого бы избежал Р. Р. Вахитов. Крайне печально, что талантливый автор опускается до таких низкопробных нападок, позволяя себе откровенно передёргивать факты и интерпретации, упражняться в остроумии, пытаясь унижить уважаемых учёных, называя их дилетантами и оценивая их интеллектуальный уровень ниже «среднего студента провинциального философского факультета». Вдобавок все филологические аналогии, построенные Вахитовым, либо некорректны, либо бьют мимо цели. Такой уровень дискуссии оставляет тяжёлое чувство невозможности диалога с людьми, сознание которых затуманено верой, что ещё раз подтверждает высказанные в письме 10 академиков опасения.